

УДК 930

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-122-129

## «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова в memory studies

Александр П. Логунов

*Российский государственный гуманитарный университет  
Москва, Россия, prietnayadekana.fipp@gmail.com*

Василий Л. Дмитриев

*Российский государственный гуманитарный университет  
Москва, Россия, vasya.lake@bk.ru*

*Аннотация.* Цель статьи – исследование послевоенной памяти в СССР в контексте романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день». Внимание уделяется прежде всего символизму романа. Он содержится как в его тексте, так и в самом названии. Именно символика позволяет рассматривать роман не только как художественное произведение, но и как историософский текст. В статье отражается основное качество меморизации войны в 1945–1980 гг. Это конкуренция исторических памятей различных поколений: поколения, которое пережило войну, и поколения, которое родилось уже после нее. В связи с этим выделяются две ценностные ориентации, создающие основную канву этой меморизации. В статье рассматриваются причины легитимации современности через прошлое. Также в работе ставится проблема «промежуточного состояния», внешних и внутренних факторов, определяющих его, и проблема возможности существования памяти при переходе из одного состояния в другое. Кроме того, в статье проводится анализ влияния исторической политики государства на память о Великой Отечественной войне, в том числе способов моделирования образов войны и трансляции их для различных поколений.

*Ключевые слова:* память, историческая память, исследования памяти, легитимация, Великая Отечественная война, историческая политика, меморизация, советская литература

*Для цитирования:* Дмитриев В.Л., Логунов А.П. «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова в memory studies // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 122–129. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-122-129

Chinghiz Aitmatov's  
“And the Day Lasts Longer Than a Century”  
in memory studies

Aleksandr P. Logunov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia  
priemnayadekana.fipp@gmail.com*

Vasilii L. Dmitriev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vasya.lake@bk.ru*

**Abstract.** The article considers the war memorialization in the USSR of the post-war years in the context of Ch. Aitmatov's novel “And The Day Lasts Longer Than A Century”. Authors' attention is paid primarily to the symbolism of the novel. The symbolism is both in its text and in the novel's title itself. It is the symbolism that allows the authors to consider the novel not only as fiction but also as a historiosophic text. The article describes the main quality of the war memorialization in 1945–1980. It is a competition of different generations' historic memories – the memory of the generation that survived the war and the memory of the generation that was born much later. In that regard the authors define two value orientations outlining the framework for such a memorialization. The article analyzes reasons for the legitimization of the present through the past. It also raises the question of an “intermediate state”, of external and internal factors that determine it, and an issue of the memory's existence in the transition from one state to another. Besides, the article analyzes the historic policy of the Soviet state and its influence on the memory of the Great Patriotic War. It includes the methods for creating images of the war and their translation to different generations.

**Keywords:** memory, historic memory, memory studies, legitimization, Great Patriotic War, historic policy, memorization, Soviet literature

**For citation:** Dmitriev, V.L. and Logunov, A.P. (2020), “Chinghiz Aitmatov's ‘And the Day Lasts Longer Than a Century’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 122-129, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-122-129

Чингиз Айтматов занимает особое место в советской и, можно сказать, в мировой литературе. Широкую известность он приобрел, опубликовав повесть «Тополек мой в красной косынке». Он поставил удивительный и непривычный, особенно для советского читателя, вопрос: может ли женщина, муж которой находится в армии, влюбиться в другого мужчину? В самой постановке такого вопроса, конечно, нет ничего нового для литературных сюжетов.

Новым было другое: героиня повести изображалась позитивно, отсутствовали негативные коннотации. Это разрывало и привычное для советского человека видение, и привычные представления, и привычные ценностные ориентации.

К 1980 г. Чингиз Айтматов был уже признанным автором и авторитетом, произведения которого вызывали большой интерес. В том же году увидел свет его роман «Буранный полустанок». Долгое время он издавался именно под этим именем. Уже позже, в перестроечное время, автор смог дать ему название «И дольше века длится день», которое он планировал дать роману изначально. Обратим внимание на сам заголовок этого романа: «*Буранный полустанок*». Уже в самом названии заложено два чрезвычайно важных суждения.

Первая часть названия явно относит нас к классическим образцам русской литературы, и прежде всего к А.С. Пушкину, у которого вьюга, метель, буран «закручивали» главные сюжеты его произведений. Обстановка «буранности» была вместе с тем предчувствием большого художника того, что в стране и в людях назревают потребности перемен. Они – люди – еще дезориентированы, они не могут понять, что и как их не устраивает, но они понимают, что их не устраивает происходящее.

Такое понимание «буранности» не подводит черту под списком символических значений этого слова для данного произведения. «Буранность» отсылает читателя к тем естественным внутренним изменениям человека, которые переживают герои романа. Буран охватывает Едигея в момент, когда он узнает об аресте Абуталипа. Тот же буран закручивает его, когда он злится – то на сына Казангапа (он показан как человек, не помнящий своего родства), то на людей, которые перегородили путь к священному для Едигея кладбищу. Но есть и другая сторона явления «буранности» – технологическая. Это она лишает народ памяти. В романе она показана в виде ракет, отправляющих спутники в открытый космос. При взлете с космодрома они оставляют за собой «буран» – произведение рук человека, но не природы. Этот «буран» покрывает то место, где раньше было кладбище – Ана-Бейит, символ исторической памяти. На антитезе естественного и технологического построено в романе многое. Ее смысл в предупреждении автором человечества о том, что технологический прогресс может быть губительным для человека, так как он может забрать у него прошлое, а значит и лишить настоящего.

Вторая часть названия – *полустанок*. Это актуализация промежуточного состояния или перехода от настоящего в неизвестное будущее. Здесь начинается самая интересная и загадочная линия в романе Чингиза Айтматова. Она сводится к глобальному вопросу о том, как выжить в «промежуточном состоянии», можно ли сохра-

нять, и хранить, и беречь, и оберегать память о прошлом или необходимо ориентироваться на мечты о будущем.

Для героев Айтматова таким буранным полустанком была, конечно, война и память о войне. Эта война перепутала, как снежный буран, судьбы всех людей. Но она одновременно была лишь фрагментом их жизни. Несмотря на свою фрагментарность, она изменила и их самих, и их восприятие современности.

Символический ряд романа не ограничивается обозначенным выше. Главная метафора романа – не помнящий своего родства манкурт. Она излагается в произведении в виде притчи о народе, враги которого учиняли над ним страшные муки. В ходе сражения враги брали пленных и заставляли их работать на себя. Для этого они прежде всего срезали с головы пленного человека его кожу и вместо нее накладывали кожу верблюда. Это *символ идеологии тоталитарной власти*. Естественные для человека ценности, основой для которых является память, заменяются на искусственные, но при этом имеющие все признаки естественности. Ведь верблюжья кожа далеко не металл. Но при этом она не способна сохранить человеку его человечность, она превращает его в животное.

Второй элемент превращения человека в манкурта – это солнце. Оно необходимо, чтобы кожа верблюда стянула голову, прочно вросла в нее. Человек должен сидеть под солнцепеком до полной потери своей человеческой сущности. Солнце – не что иное, как *символ той самой тоталитарной власти*, которая всегда светит на голову и создает для государства идеальные условия содержания человека – паноптикум.

Третий элемент притчи, отражающий смысл тоталитаризма, – это изоляция человека от всякого общения с внешним миром. Это *символ исправительного учреждения*, тюрьмы, лагеря, в котором человек доходит до нужной государству кондиции. Человек в заключении не пытается вспомнить о прошлом, не успевает подумать о вечном, он заботится только о своем выживании. Все три элемента – это идеальная машина по производству ничего не помнящих людей, которые при этом обладают всеми необходимыми государству качествами – верностью, покорностью, трудолюбием.

Актуализация исторической памяти в романе главным образом происходит при непосредственном упоминании войны как важнейшего события, из воспоминаний о котором люди не могут выйти. Значение этого события в исторической памяти не случайно по многим причинам.

Прежде всего это связано с беспрецедентной травматичностью войны. В судьбе каждого человека, пережившего войну, война осталась как утрата чего-то важного. Едигей – главный герой романа –

лишается здоровья и профессии, Укубала лишается ребенка, Абу-талип оказывается изгнанным из своей родины.

Многие из переживших войну отзываются о ней как об ужасном кошмаре. Более того, послевоенное время также стало серьезным испытанием для народа, принявшего восстанавливать страну. Далеко не все смогли вернуться к прежней жизни после пережитого. Так об этом говорит автор романа, описывая ситуацию в послевоенной деревне:

Призрак войны все еще шастает по пятам. И потому боранлинцы расспросами по такому поводу особенно не донимали приезжих, зачем душу людям травить, и без того хлебнули, должно быть, горя через край<sup>1</sup>.

Тем не менее для поколения, прошедшего этот путь, именно сопереживание травматического прошлого делает войну главным событием для общей памяти.

При этом не только травма, оставшаяся от военных и послевоенных лет, отличала память поколения, пережившего войну. Во время войны обострилось и трансформировалось чувство общности и единства. До нее советский коллективизм базировался на исполнении партийных приказов. Его свойства были выработаны в процессе перестройки страны в соответствии с представлениями руководства о том, как должен выглядеть социализм. Коллективизм мог выражаться прежде всего в коллективном единомыслии и подразумевал подчинение масс власти. Так, коллективизм был лишь вынужденной формой существования общества. Военные действия кардинально изменили такой порядок вещей. В ситуации смертельной опасности коллективизм стал действительно важен для каждого человека. Ведь от того, как поведет себя товарищ на поле боя или в разведке, зависела твоя жизнь и жизнь твоей семьи. Само будущее страны теперь зависело от сплоченности и мужества коллектива.

Дружба двух совершенно разных людей в романе – Казангапа и Едигея – это пример такого чувства общности, которое появилось в период войны и помогло людям выжить после нее.

Сплочение людей в настоящий коллектив – не единственное, что произошло в сфере индивидуальных чувств советских граждан, переживших войну. Четырехлетнее противостояние врагу, отстаивание своей правоты и защита самого дорогого вернули людям то, что прежде было ими потеряно в ходе послереволюционных реорганизаций, террора и Гражданской войны, – чувство собственного достоинства.

Апелляция к значимости чувства личного достоинства было не совсем типично для советской литературы. Образ советского

---

<sup>1</sup> *Айтматов Ч.Т.* И дольше века длится день... М.: Эксмо, 2017. С. 56.

героя в литературе, как и в кинематографе, чаще всего связывался с причастностью героя к коллективному сообществу и умением стать его органической частью. Иметь же что-то личное означало совершить антиобщественное действие. Однако война стала делом каждого. Несмотря на все уровни военного надзора, у человека в бою всегда был выбор: рисковать и бежать вперед под пули или упасть, сдаться, отступить. Количество жертв войны и ее итоги говорят о том, что большинство выбирало первое, и это был именно выбор людей, у которых было чувство собственного достоинства, не заглушенного ужасами предвоенных лет.

Феномен памяти ветеранов о пройденной ими войне также заключается в их особом отношении к послевоенным годам. Он может быть выражен финальной фразой из фильма «Пять вечеров», вышедшего за два года до публикации романа Ч. Айтматова: «Только бы не было войны...» – много раз произносит героиня Людмила Гурченко. Той же мыслью живут и герои романа. Вся послевоенная жизнь сравнивается ими с самыми тяжелыми пережитыми годами. Проблемы, существующие в 1980 г., спустя несколько десятилетий после войны, для ветеранов кажутся незначительными, ведь на войне было гораздо хуже. Более того, и сами проблемы могут быть оправданы тем, что годами ранее страна перенесла тяжелый удар, восстановление от которого занимает много времени.

Таким образом, память о войне поколения ветеранов служит легитимацией современности. Такое оправдание проблем через обращение к прошлому, по мнению автора романа, могло быть идеей, зародившейся при мысли у переживших войну людей о будущем поколений, которое не видело всех ужасов войны и не понимает, что пришлось пережить их предкам. Один из героев романа, Абу-талип Куттыбаев, для оправдания себя перед своими детьми пишет мемуары, в которых подробно описывает путь, пройденный им во время войны. Для него это важно, так как именно война забросила его с семьей на край земли, в глухую казахстанскую деревню, где у детей нет друзей, нет никаких развлечений, нет даже воды.

Оправдание себя перед детьми – легитимация современности через обращение к войне, которая происходит на индивидуальном уровне. Чингиз Айтматов обращает внимание на то, что у поколения, пережившего войну, появляется потребность самооправдания перед новым поколением, которое рождается с новыми запросами и соответственно предъявляет другой набор требований. Требований не на выживание, а на нормальную, как им представляется, жизнь. Но то же самое характерно и для двух других уровней – коллективного и государственного.

Общество СССР в 1960-е гг., после долгих лет, прошедших с момента завершения войны, становится перед выбором своего даль-

нейшего развития. В приоритете оказалось развитие военно-промышленного комплекса страны, тогда как путь развития сектора, отвечающего за создание различных гражданских благ, сильно ему уступил. Это стало возможно не только ввиду холодной войны, требующей от обеих сторон-участниц выделения как можно больших ресурсов на перевооружение, но и из-за памяти о войне. Во имя ее предотвращения поколение войны было готово отказаться от любых благ современной им цивилизации.

В то же время постепенно подрастало поколение, которое родилось через 10–15 лет после окончания войны. Опасения взрослого поколения были во многом оправданы. Знания нового поколения о войне были опосредованы рассказами родителей, которые не любили говорить на эту тему ввиду упомянутой травматичности этого события. Для нового поколения проблемы современности не могли быть объяснены событием, произошедшим много лет назад. Поэтому и жизненные приоритеты расставлялись ими иначе. В романе новое поколение представляется в виде инопланетных жителей, которые

...не знают оружия, не знают, что такое война. <...>

Если придется объяснять суть наших бесконечных на Земле войн, не покажется ли им это бессмысленным или, более того, варварским способом решения вопросов?<sup>2</sup>

Автор задается этим вопросом, говоря о принципиальном отличии взглядов нового поколения от идей тех, кто был свидетелем войны.

Стали возникать различия в ценностных ориентациях между разными поколениями. Возникало противостояние поколений – поколения, пережившего войну, и поколения, никогда не знавшего, что это такое. Чем дальше от окончания войны, тем важнее становилась функция легитимации современности через обращение к войне. Ведь параллельно с утратой воспоминаний о травматичности этого события все больше актуализировалась необходимость объяснять молодому поколению, что выбранные прежде приоритеты вполне очевидны. Приходилось также оправдываться за отставание от Запада. Спасение Европы и всего мира во время войны стало моральной защитой поколения войны от подобной критики. Поколение войны, таким образом, стало основным транслятором идеи о первостепенной важности участия СССР и победы СССР во Второй мировой войне. Соответственно факт участия в ней союзников отходил далеко на второй план.

Государство вместе с обоими поколениями также состязалось за образ войны, который следовало о ней иметь. Для управления памятью оно проводило поиск нужного образа путем сжимания и расшире-

---

<sup>2</sup> Айтматов Ч.Т. Указ. соч. С. 52, 53.

ния, недопущения и санкционирования информации о войне. В первую очередь после войны государство позаботилось об уменьшении травмы. Для этого с первой речи И.В. Сталина и после нее число потерь Советского Союза сильно занижалось – предоставлялась цифра, коррелирующая с потерями, которые были у немецкой армии.

Краеугольными камнями в литературе о войне стали коренные переломы Великой Отечественной войны и Великая Победа. Так формировались новая память о войне и новый патриотизм, которые были направлены на новое поколение. Тем не менее ветераны также оказывались в положении воспитуемых. Их личная память замещалась воспоминаниями генералов Советской армии. Далее государственное регулирование памяти реализовывалось методами трансляции новых принципов знаний о войне. Кроме мемуаров существовали и кино, и школьные учебники, и государственные оценки, и художественная литература, и монументальные памятники.

Размышляя о переходном состоянии, Чингиз Айтматов неожиданно для читателей ориентируется не на проекты и прогнозы строительства будущего, а на важность и значение памяти. Утрата исторической памяти, по его мнению, это глубокий цивилизационный разрыв, когда человек не может двигаться в настоящем, а тем более переходить в будущее. Одни из самых ярких страниц его романа – это страницы о том, как человека лишали памяти его враги. Они лишали не веры в будущее – а памяти о прошлом. Как нам кажется, этот призыв Ч. Айтматова был предвестником взрыва исторической публицистики. Когда желание перемен и движение к будущему стали опираться на анализ прошлого, на переосмысление прошлого, на поиски новых интерпретаций прошлого.

### *Информация об авторах*

*Александр П. Логунов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; [priemnayadekana.fipp@gmail.com](mailto:priemnayadekana.fipp@gmail.com)

*Василий Л. Дмитриев*, студент 3-го курса, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; [vasya.lake@bk.ru](mailto:vasya.lake@bk.ru)

### *Information about the authors*

*Alexander P. Logunov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; [priemnayadekana.fipp@gmail.com](mailto:priemnayadekana.fipp@gmail.com)

*Vasilii L. Dmitriev*, 3rd year student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; [vasya.lake@bk.ru](mailto:vasya.lake@bk.ru)